

Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920–1930-е годы

И. В. Глущенко

Статья поступила
в редакцию
в мае 2015 г.

Глущенко Ирина Викторовна
кандидат культурологии, доцент Школы культурологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Адрес: Москва, 101000, Мясницкая ул., 20. E-mail: ultra-irina@mail.ru

Аннотация. Анализируются этапы, организация и средства осуществления советской кампании по ликвидации неграмотности среди взрослых, проводившейся в 1920–1930-е годы. Сопоставление просветительских и идеологических аспектов этой кампании позволяет увидеть, насколько они были взаимосвязаны и как способствовали формированию новых культурных практик. Исследуя методиче-

ские документы и декреты советской власти, а также прессу, методические пособия и буквари, автор показывает, что в ходе кампании целые слои населения не только учились читать и писать, но и осваивали (и отчасти сами формировали) новый «советский язык» для коммуникации с властью и для того, чтобы, манипулируя официальными понятиями и терминами, добиваться реализации собственных целей.

Ключевые слова: история образования, ликвидация неграмотности, культурная революция, идеология, «советский язык», буквари, крестьянство.

DOI: 10.17323/1814-9545-2015-3-246-282

**Задачи
и организацион-
ные структуры
кампании
по борьбе
с неграмотностью**

Связь идеологических и просветительских задач в советской кампании по ликвидации неграмотности многократно отмечалась исследователями. В данной статье исследуется их сочетание применительно к конкретным образовательным практикам — методикам преподавания, структуре и содержанию букварей, а также анализируются последствия тесной взаимосвязи обучения с пропагандой. Показано, что в результате данной кампании советские граждане не только освоили азы грамоты, но и участвовали в формировании «нового советского языка».

С первых же дней большевистской революции борьба с неграмотностью рассматривалась ее идеологами как важнейшая политическая задача, без решения которой маловероятен успех об-

ществленных преобразований. По мнению Ленина, грамотность являлась важнейшим условием гражданского существования для отдельного индивида и для общества в целом: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»¹.

Ликвидация неграмотности в РСФСР изначально преследовала двоякую цель. С одной стороны, большевики следовали общепросветительскому представлению о необходимости знания и идеалу создания полноценной личности, с другой — поставив перед собой задачу индустриализации, страна нуждалась в более грамотном работнике. Но этот работник мог полностью соответствовать запросам новой власти лишь в том случае, если вместе со знаниями он освоит и передовую идеологию. Кампания по борьбе с неграмотностью не предполагала жесткого разделения между собственно обучением и политическим воспитанием (пропагандой). Это отмечалось в официальных документах как нечто само собой разумеющееся. «Политико-просветительские учреждения всегда являлись активными участниками борьбы за ликвидацию неграмотности»², — констатирует Приказ народного комиссара просвещения РСФСР от 23 октября 1940 г. В этом документе в ряду политпросветучреждений фигурируют дома культуры, избы-читальни, сельские и колхозные клубы, библиотеки и даже музеи. Призывая библиотекарей проводить с крестьянами беседы о пользе чтения книг, авторы документа подчеркивали, что «в беседах необходимо рассказать о значении книг в жизни великих вождей — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина»³.

Л. Муртазина подчеркивает крайне ограниченный характер задач, ставившихся организаторами кампании: «В современном русском языке слово „грамотный“ означает человека, который не только умеет читать и писать, но и обладает определенными знаниями, сведениями в какой-то области. В отличие от широкого понимания слова, в системе ликбеза под словом „грамотность“ подразумевалась лишь азбучная грамотность. Таким образом, получается, что ликвидация безграмотности есть первая и изначальная степень грамотности» [Муртазина, 2002. С. 5]. Такое представление, однако, оспаривают западные историки, которые настаивают как раз на том, что большевистская кам-

---

¹ Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 44. С. 174.

² Наркомпрос РСФСР. Об участии политико-просветительных учреждений в завершении ликвидации неграмотности и обучения малограмотных. М.: Государственное библиотечно-библиографическое издательство НКП РСФСР, 1941. С. 2.

³ Там же. С. 3.

пания ставила перед собой очень широкие культурные задачи. В частности, Ш. Фитцпатрик считает, что борьба с неграмотностью, как и вся стратегия культурной революции, была ориентирована на создание новой идейной гегемонии в обществе. Культура была для большевиков «полем борьбы» (locus of struggle) [Fitzpatrick, 1992. P. 2].

28 октября 1917 г. пришедшие к власти большевики приняли декрет о создании Государственной комиссии по просвещению, которой были переданы все функции дореволюционного Министерства народного просвещения. Государственная политика в сфере просвещения была направлена на решение двух задач: образование детей, т. е. школьное обучение, и образование взрослых, которое в первую очередь предполагало ликвидацию неграмотности.

С октября 1917 г. по декабрь 1919 г. в структуре Наркомата просвещения, возглавляемого А. В. Луначарским, были созданы внешкольный отдел, которым заведовала Н. К. Крупская, и отдел по введению всеобщей грамотности во главе с Л. Р. Менжинской. Вскоре эти отделы были объединены во внешкольный отдел, который стал ведать всей работой по ликвидации неграмотности среди взрослых [Петрова, 2011. С. 20–21].

В 1920 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Первоначально перед ней была поставлена задача научить читать и писать всех взрослых в возрасте до 35 лет, но позднее речь шла уже о населении в возрасте до 50 лет. Вокруг структур Чрезвычайной комиссии формировалось массовое движение «Долой неграмотность!» [Соломатина, 2013. С. 155]. Таким образом, в рамках советской политики просвещения постоянно формировались новые организационные структуры, которые порой вступали в противоречие друг с другом, и их приходилось реорганизовывать, чтобы повысить эффективность работы.

Обучением солдат занималось Политуправление Красной армии. Здесь сохранялась традиция дореволюционной царской армии, где призывников тоже учили читать и писать. Однако особенностью советского подхода явилось соединение работы по преодолению неграмотности с политической агитацией и общим просвещением военнослужащих [Глущенко, 2013. С. 64–80].

Идеологи кампании по борьбе с неграмотностью, ее организаторы и практики формулировали свои задачи широко и масштабно. «Только четкой установкой внутри партии того, что культурная революция — революция, а следовательно, прежде всего движение масс, мы сможем по-революционному привести в движение маховые колеса советской общественности через приводные ремни партии к ней, — писал один из идеологов кампании, Г. И. Бройдо, в 1929 г. — Только при этих условиях мы сможем превратить ликвидацию неграмотности в основное звено культур-

ной революции, взявшись за которую мы вытянем всю цепь культурной революции, которая есть сознательное движение вперед по пути социалистического строительства десятков миллионов»⁴.

Спецификой советского подхода было не само по себе соединение образования с решением идеологических и воспитательных задач, а то, что делалось это совершенно открыто и осознанно.

В начале XX в. большинство населения России не умело читать и писать. Официальная перепись населения Российской империи, проведенная в 1897 г., свидетельствовала, что за пределами Великого княжества Финляндского лишь 39% взрослых подданных царя были грамотными. Разумеется, данные этой переписи невозможно механически экстраполировать на 1910-е годы, поскольку именно в это время в России предпринимались существенные усилия по развитию образования. Отсутствие достоверных данных дает простор для самых разных интерпретаций, и оно же свидетельствует о серьезном неблагополучии в организации народного просвещения. Бесспорным фактом является то, что к началу Первой мировой войны по сравнению с концом XIX в. уровень грамотности существенно повысился, особенно это касается молодых поколений. Но в ходе Первой мировой и Гражданской войн положение дел опять стало ухудшаться [Кадомцев, 1909]⁵.

Борьба за всеобщую грамотность началась практически сразу же после прихода к власти большевиков и официально считается завершенной примерно к 1939–1940 гг.

29 октября 1917 г. народный комиссар просвещения А. В. Луначарский издал обращение, в котором говорилось: «Залог спасения страны — в сотрудничестве живых и подлинно демократи-

**Основные этапы
кампании
по борьбе
с неграмотностью**

⁴ Бройдо Г. И. В атаку против неграмотности и бескультурья (саратовский опыт). М.; Л.: Центральный совет общества «Долой неграмотность»; Гос. изд-во, 1929. С. 108–109.

⁵ Советские исследователи, ссылаясь на ту же перепись, приводят несколько иные данные. Так, Д. Ю. Элькина указывает: «По данным первой Всероссийской переписи населения (1897 г.), в России было только 24% грамотных (среди лиц в возрасте от 9 лет и старше), при этом грамотных женщин насчитывалось меньше (12,4%), чем грамотных мужчин (35,8%). Процент грамотного городского населения был значительно выше (52,3%), чем сельского (19,6%). Среди сельского населения грамотных женщин было только 8,6%» [Элькина, 1959. С. 5]. Г. Г. Карпов, ссылаясь на «Вестник воспитания» (1906, № 1), интерпретирует итоги переписи еще более негативно: среди 126 млн зарегистрированных жителей России грамотных было всего 21% [Карпов, 1954. С. 11]. Однако все источники сходятся в том, что уровень грамотности среди взрослого населения России к концу XIX в. оставался крайне низким.

ческих сил ее. Мы верим, что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса через законное народовластие к царству социализма и братства народов» [Абакумов и др., 1974. С. 9].

Уже название первого декрета народных комиссаров 1918 г., посвященного борьбе с неграмотностью, содержит обе составляющие советского просветительского проекта: «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя». В третьем пункте этого декрета местным органам советской власти предписывалось «оповестить население путем объявлений, митингов и сходов об организации этих чтений и объяснить населению всю необходимость для него знакомства с общим укладом революционной России, текущей политикой и законодательством центральных и местных властей, без какового знакомства граждане лишены всякой возможности принимать участие в великой строительной работе трудового населения России...»⁶.

В декрете от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» подчеркивалось, что все население республики в возрасте от 6 до 50 лет, не умеющее читать или писать, «обязано обучиться грамоте на родном или русском языке, по желанию»⁷. Поскольку овладение грамотой было не правом, а именно обязанностью граждан, декрет предполагал санкции за попытку уклониться от учения, вплоть до уголовной ответственности.

Однако, как и в других сферах жизни, попытки большевиков решить проблему лихой «кавалерийской атакой» ожидаемых плодов не принесли, и власть была вынуждена перейти к организации систематической работы, проводимой с помощью профессиональных кадров. 2 марта 1920 г. внешкольный отдел Народного комиссариата просвещения направил во все губернские, городские и уездные отделы народного образования письмо, где в общих чертах формулировалась перспектива дальнейшего ведения кампании. В нем подчеркивалось, что «первым источником, из которого отделы будут, несомненно, черпать силы для проведения кампании, явятся школьные и внешкольные работники. Но, с одной стороны, их сил может оказаться недостаточно, с другой — перегруженные своей повседневной работой, они могут не всегда вложить в дело ликвидации безграмотности тот энтузиазм и ту силу убеждения, которые необходимы»⁸.

⁶ О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя (Декрет Совета народных комиссаров) / А. Я. Вышинский (ред.) Конституция и конституционные акты РСФСР (1918–1937): сб. документов. М.: Изд-во Ведомостей Верховного совета РСФСР, 1940. С. 52.

⁷ Ликвидация безграмотности. 1. Декрет. 2. Инструкция. М.: Гос. изд-во, 1920.

⁸ РСФСР. Народный комиссариат просвещения. Внешкольный отдел подотдел подготовки персонала, 2 марта 1920 г. С. 1–2.

Я. И. Петрова выделяет два качественно различных этапа в развитии кампании по ликвидации неграмотности и советской педагогики вообще: «Первый этап, охватывающий период с 1917 г. до начала 1930-х годов, характеризуется поиском новых задач, путей, форм организации обучения и содержания образования в рамках построения новой советской школы. Главным содержанием второго этапа, продолжавшегося с начала 1930-х до начала 1940-х годов, было осмысление отдельных сторон дореволюционного педагогического наследия, попытки его соединения с идеями и практикой 1920-х годов» [Петрова, 2011. С. 27]⁹. Ш. Фитцпатрик тоже отмечает различие между двумя этапами в борьбе с неграмотностью, хотя строит эту периодизацию несколько иначе. По данным переписи 1926 г., 51% советского населения в возрасте старше 9 лет были неграмотными. «Сравнительно с Российской империей в момент начала Первой мировой войны грамотность населения выросла на 12–13%, хотя сомнительно, что советские кампании по борьбе с неграмотностью (за исключением, может быть, осуществленных в Красной армии) прибавили нечто существенное к естественному приросту грамотного населения, происходившему в результате интенсивного развития массового образования в последние десятилетия царского режима» [Fitzpatrick, 1979. P. 169].

Таким образом, по мнению американской исследовательницы, советские усилия по борьбе с неграмотностью в первые послереволюционные годы были хоть и не бесплодными, но явно недостаточно эффективными. Именно поэтому в середине 1920-х годов потребовалась новая, гораздо более масштабная кампания, которая должна была обеспечить условия для индустриального рывка и радикальной модернизации общества.

Кампания по борьбе с неграмотностью продолжалась около 20 лет (1919–1939)¹⁰. Методы работы и даже риторика не оставались на протяжении этого времени неизменными, они эволюционировали вместе с советским государством. К концу первого десятилетия советской истории революционный радикализм уступил место бюрократическим приемам и прагматизму.

Анализируя особенности кампании во второй половине 1920-х годов, практику создания на местах «культштабов» и дру-

---

⁹ Однако далее автор иначе формулирует содержание второго этапа кампании: «Главным содержанием первого этапа было создание законодательной основы и системы организаций и учреждений, непосредственно осуществлявших ликвидацию неграмотности. Основное содержание второго этапа заключалось в развитии широкого общественного движения по ликвидации неграмотности, форсировании ее темпов и ужесточении методов» [Петрова, 2011. С. 48].

¹⁰ Ликвидация неграмотности. Указатель постановлений партии и правительства (1919–1939). Л., 1940.

гие общественные инициативы, Ш. Фитцпатрик отмечает: «Массовое народное движение за культурную революцию развернулось независимо от образовательной бюрократии» [Fitzpatrick, 1979. P. 134].

По мнению Я. И. Петровой, на рубеже 1920–1930-х годов организаторы кампании стремились «в кратчайший срок» решить все поставленные задачи. «Отражением этого стало распространение военизированной лексики» [Петрова, 2011. С. 69]. Книга Г. И. Бройдо 1929 г. с характерным названием «В атаку против неграмотности и бескультурья»¹¹ ярко иллюстрирует этот поворот: «В нашей практике даже термин „поход“ оказался недостаточным. Мы считали и считаем, что этот поход должен быть расценен как один из военно-стратегических моментов в систематической войне против неграмотности и бескультурья, что этот поход должен сыграть роль перестрелки авангарда, обеспечить втягивание в войну широких пластов трудящихся и организацию советской общественности»¹².

В 1930-е годы ситуация изменилась. Фитцпатрик констатирует, что с этого времени «стихийные и потенциально анархические элементы антибюрократической культурной революции стали исчезать» [Fitzpatrick, 1979. P. 135]. Термин «культпоход», использовавшийся для обоснования массовых низовых мобилизаций, был заменен термином «культэстафета», а активисты кампании были поставлены под более жесткий контроль государственных и партийных органов, занимавшихся вопросами массового просвещения.

Этот поворот не только был результатом изменений в структуре советского государства и бюрократии, но и опирался на определенный запрос общества, которое устало от радикальных экспериментов. То, что происходило в сфере образования, отражало общие тенденции, характерные для того времени. С одной стороны, проводившаяся сверху корректировка курса вела к угасанию демократизма, свойственного ранней советской власти, но с другой — с упорядочением процесса повышалась его эффективность и результативность.

В 1931–1936 гг. был принят целый ряд партийных постановлений, которые регламентировали развитие педагогической науки. Свобода дискуссий в этой области была резко ограничена, а в системе образования был ужесточен идеологический контроль. «Был провозглашен курс на „решительную борьбу против легкомысленного методического прожектерства“. Было также признано, что ни один метод обучения не может считаться уни-

¹¹ Список публицистических произведений периода кампании по ликвидации неграмотности см. в приложении I.

¹² Бройдо Г. И. В атаку против неграмотности и бескультурья (саратовский опыт). С. 17–18.

версальным. Основной формой организации учебного процесса была признана классно-урочная система, сочетавшая коллективные и индивидуальные формы работы под руководством учителя» [Петрова, 2011. С. 44].

К концу 1930-х годов организаторы кампании могли рапортовать партии и правительству о решительной победе в борьбе с неграмотностью. В 1939 г. в отчетном докладе XVIII съезду партии Сталин, подводя итог пройденному пути, объявил: «С точки зрения культурного развития народа отчетный период был поистине периодом культурной революции»¹³. Однако перепись населения 1939 г. в СССР показала лишь 81,2% грамотных. Приказом народного комиссара просвещения РСФСР от 23 октября 1940 г. за № 1636 отделам народного образования было предложено завершить ликвидацию неграмотности к 1 января 1943 г.¹⁴ Официальному подведению итогов помешала начавшаяся война. Тем не менее является очевидным историческим фактом, что перелом действительно состоялся, и во вторую половину XX в. Советский Союз вошел как общество всеобщей грамотности¹⁵.

Тот факт, что преподавание грамоты для взрослых было сопряжено в 1920-х — начале 1930-х годов с политической пропагандой, отмечали многие исследователи. Гораздо меньше внимания в научной литературе уделялось средствам, которыми такое сопряжение обеспечивалось, тому, каким образом идеологические воззрения ликвидаторов неграмотности не только включались в процесс преподавания, но и определяли в значительной мере его методику и даже результаты.

---

¹³ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во политической литературы, 1939. С. 24.

¹⁴ Наркомпрос РСФСР. Об участии политико-просветительных учреждений в завершении ликвидации неграмотности и обучении малограмотных. М.: Гос. библиотечно-библиогр. изд-во НКП РСФСР, 1941. С. 2.

¹⁵ Некоторые современные исследователи, например Л. Р. Муртазина, считают, что на самом деле ликвидация неграмотности не завершилась к 1940 г. «После окончания Великой Отечественной войны вопросы всеобщей грамотности снова встали в повестку дня, так как основная масса народа, подвергнутая эвакуации, насильственному переселению, да и те, кто прошел лишь школы ликбеза (т. е. не обучался в школах малограмотных), в немалом количестве остались неграмотными» [Муртазина, 2002. С. 7]. По мнению Муртазиной, полностью ликвидировать неграмотность не удалось даже к началу Всесоюзной переписи населения 1959 г. Она приводит постановление «О завершении ликвидации неграмотности», принятое на закрытом заседании Секретариата ЦК КПСС 31 июля 1962 г., которое также «не поставило еще точку в решении этой задачи» [Там же]. Однако в данном случае речь идет о ликвидации последних очагов неграмотности на национальных окраинах Советского Союза.

Советские историки (Т. Бакулина, П. Горностаев, Э. Вдовина, В. Куманев, Г. Карпов и др.) концентрировали внимание на грандиозных масштабах и темпах кампании. Опираясь на выразительными цифрами, они подчеркивали руководящую роль партии в процессе ликвидации неграмотности¹⁶. Успех кампании виделся как еще одно «доказательство великой преобразующей силы социализма» [Куманев, 1967. С. 10]. Современные российские исследователи (Е. Костикова, Л. Павлова, Я. Петрова и др.) выделяют просветительский, дидактический и политико-идеологический аспекты кампании по ликвидации неграмотности, обращая особое внимание на опыт и достижения советских времен, которые могут быть применены в современной России, поскольку через два с небольшим десятилетия после распада СССР снова появились «предпосылки для превращения неграмотности взрослых в социально значимую проблему» [Петрова, 2010. С. 3].

Между тем специфика советской кампании по борьбе с неграмотностью в 1920-е и 1930-е годы состоит не только в ее масштабах и темпах, но и в том, насколько она была культурно, идеологически и даже психологически связана с общим характером и направленностью перемен, происходивших в тогдашнем обществе. Г. Лapidus подчеркивает, что советская кампания по борьбе с неграмотностью «радикально отличалась от того, что делалось в царское время, — по составу участников, программе обучения и по утверждаемым ею ценностям» [Lapidus, 1976. P. 196–197]. В этом состоит и важнейший секрет ее успеха, который вряд ли может быть воспроизведен в иных культурных и социальных условиях¹⁷.

¹⁶ Сравнивая данные за 1914 г. с показателями советских 1960-х, исследователи демонстрируют масштабы произошедших за полвека перемен: «В 1914 г. в стране обучалось 10 588 000 человек, в 1968 г. всеми видами обучения было охвачено 77 826 000 человек» (Вдовина Э. А. В поход за знаниями. Комсомол Средней Волги в борьбе за всеобщую грамотность в 1928–1932 гг. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1971. С. 17).

¹⁷ Я. Петрова отмечает: «В современной России развиваются два разнонаправленных процесса: с одной стороны, возрастают количество и качество образовательных услуг, с другой — увеличивается количество неграмотных среди социально незащищенных групп населения. В официальных источниках утверждается, что все взрослое население России грамотно, и в связи с этим нет необходимости принятия специальных мер или программ по ликвидации неграмотности взрослых» [Петрова, 2011. С. 4]. Согласно оценкам экспертов Международной Хельсинкской группы, в России на начало 2000-х годов имелось около 2 млн детей школьного возраста, не посещающих школы. Стратегия развития образования, ориентированная на превращение его в одну из отраслей сферы услуг, как раз и является одним из важнейших источников описываемых противоречий и диспропорций. В рамках такой стратегии оказываются заведомо бессмысленными попытки исполь-

Методические подходы

Для массовой работы по ликвидации неграмотности потребовалось мобилизовать целую армию добровольцев, подготовив их для этой деятельности с помощью методических пособий, обеспечив соответствующей учебной литературой и букварями, специально предназначенными для обучения взрослых. Букварей, несмотря на большие тиражи, постоянно не хватало. В результате на местах издавали собственные буквари, увеличивая тем самым многообразие методик и подходов. Возник целый пласт новой учебной литературы, отражающий изменившуюся реальность и новые задачи массового просвещения (списки методической литературы и букварей см. в приложении II и III).

Чтобы выяснить, насколько оригинальным для своего времени был подход советских «ликвидаторов неграмотности», можно сравнить буквари дореволюционного и послереволюционного периода. Дореволюционные буквари, безусловно, не были свободны от идеологии. В них постоянно встречаются упоминания о царе, Боге и всевозможных обязанностях верноподданного. Приводятся различные молитвы, самая подходящая для азбуки та, что произносится перед тем, как приступить к учению: «Преблагий Господи! Ниспошли нам благодать Духа Твоего Святаго, действующаго и укрепляющаго душевныя наши силы, дабы, внимая преподаваемому нам учению, возрасли мы Тебе, нашему Создателю, во славу, Государю и родителям нашим на улучшение, Церкви и Отечеству на пользу»¹⁸.

Дореволюционные буквари, даже если они предназначены для работы со взрослыми, помещают нас едва ли не в набоковскую стихию детства, где дети гуляют в поле с «папашами» и «мамашами», где мальчик лежит в жаркий день в тени, разговаривает «с моею милою нянею». Там есть и рай, и морская раковина, и Эллада, а также утверждения о том, что красота — прах. Не обошлось и без модных нововведений: «диета», «гигиэна», но при этом «я молюся», «псалтырь», библейское «Не суди! Не судим будешь», присутствует некий «святитель Феодосий Черниговский». Ну и устрашения: «Епитимья есть церковное наказание», «Ложась спать, о грехах подумай».

Жизнь — не только прогулки по полю, но и «чахотка», «чахнуть», но все же «Лучше бедность, да честность, чем прибыль, да стыд».

зывать советский опыт 1920-х и 1930-х годов: он основан на принципиально ином подходе. Идеологи советского образования на протяжении всей его истории подчеркивали, что важнейшей задачей его было «сближение классов и социальных групп советского общества, нарастание его социальной однородности» [Филиппов, 1976. С. 21].

¹⁸ Новейшая азбука для диктанта, чтобы научиться правильно писать с целью самого первоначального обучения письму и чтению детей и взрослых, И. М. Хайновского. СПб., 1901. С. 33.

В тех случаях, когда автор букваря сознательно пытался отделить взрослую аудиторию от детской и приблизиться к народу, на первый план выходили другие темы. Например, «Букварь для взрослых» Н. К. Стижарной, вышедший в Петербурге в 1910 г., удивляет обилием мрачных высказываний, а также постоянным разговором о выпивке: «Маша дала мужу рому», «Мы пили вино и пиво», «Кума, вы бы дали куму вина!», «За кого вы пили?», «Теща дала зятю вина», «Мы выпили белого вина».

Вторая тема — детские обиды, жестокость взрослых: «Кого била мама?», «Того кота били», «Не реви, Лена, чего ты!».

Есть и криминальные сюжеты: «У нашего соседа воры увели коня», «Преступник хотел скрыться», «Над ним началось следствие», «Таинственное убийство». Тема нищеты и горя: «Нищему подали муки», «Она похоронила любимого сына», «Нищие ходили по селу». «Слепая старуха просила хлеба», «Я последний раз с вами», «Какое печальное шествие!», «Ее единственный сын умер», «Сердце болит, разрывается».

И наконец, почти чеховское (вспоминается Вершинин из «Трех сестер»): «У меня дома жена и дети».

Совершенно другой мир возникает перед нами, когда мы читаем советские буквари. И не только потому, что после революции изменилась идеология. Это иной космос. Дореволюционный букварь создает образ тоскливого, но стабильного и патриархального общества. Советский букварь агрессивно напоминает о социальных конфликтах и страданиях народа, но все время отсылает к переменам, которые уже начались:

Ты рос бос, работал на бар.
 Бары не босы. Ты вырос, ты бос, бары босы.
 Но ты рад советам, а бары не рады.
 Советы барам не дар, а удар.
 У бар досада на советы¹⁹.

Мысль о необходимости происходящих перемен и их освободительном характере повторяется снова и снова, принимая постепенно более развернутую форму и понемногу обрастая большевистской политической лексикой:

На смену старому миру идет мир труда. Старые времена — работа на бар. Новые времена — работа на мир. Старые времена — народ стадо баранов. Новые времена — мы сами в советы идем, и сами дела там ведем.

¹⁹ Долой неграмотность! Букварь для взрослых, разработанный Д. Элькиной, Н. Бугославской и А. Курской. Краснодар, 1921.

Изменились и подача материала, и лексика, и, естественно, темы. Конечно, любой букварь идет от простого к сложному. Но при чтении советских букварей возникает мысль, что аналогичным образом развивается и сама жизнь, а преподаватель гораздо менее отчужден от ученика и вместе с ним проходит путь осознания новой идеологии. Отсюда постоянное использование местоимения «мы». И даже там, где тема начинается с обращения на «ты», она все равно достигает кульминации в обобщении «мы»: «Ты не сыта, но ты не раба. Ты не раба, ты рада. Ты рада советам, бары не рады. Мы не сыты, но мы не рабы».

Там, где старый букварь просто предлагал короткие фразы, советский букварь говорит лозунгами. В позднейшей советской литературе постоянно цитировалась знаменитая формула «Мы не рабы, рабы не мы». Полностью этот текст выглядит так:

Мы не рабы,
Рабы не мы.
Мы не рабы, мы не бары.
Мы не бары,
Бары не мы,
Не бары мы,
Мы не бары, мы не рабы»²⁰.

Создатели букварей, с одной стороны, пытаются поощрить самостоятельное мышление, но с другой — стремятся к тому, чтобы обучаемый совершенно самостоятельно пришел к заранее сформулированным выводам.

Сначала учишься читать и писать, а потом рассуждать. Мы, давая материалом для чтения лозунги «Мы не рабы», «Мы несем миру свободу», сливаем работу обучения чтению и выяснения политического смысла прочитанного. Если даже обучающийся не согласится с лозунгом («Мы не рабы»), а будет утверждать обратное («Мы рабы»), то и это будет чрезвычайно важно для занятий, так как положит начало к самостоятельной работе и беседам обучающихся.

Весь букварь создан из вопросов текущего момента, которыми проникнута жизнь Советской России, и поэтому материал является более близким трудящимся²¹.

В 1925 г. Первое комсомольское совещание, посвященное борьбе с неграмотностью, с удовлетворением констатировало: «Что касается содержания новых букварей, то в них красной нитью

²⁰ Там же. С. 4.

²¹ Там же. С. 2.

проходят вопросы политграмоты, советского строительства, основ ленинизма. Во всех букварях, согласованных с программой ВЧКлб²², затрагиваются вопросы о том, что дала Октябрьская революция трудящимся, об организации Советской власти, о причинах неграмотности населения нашего Союза и борьбе с ней Советской власти, о Красной армии и Интернационале, о сельском хозяйстве для крестьянского населения и об основных вопросах профессиональных организаций для рабочих, о смычке города с деревней и т. п.»²³.

Тексты букварей, которые составляли педагоги старой школы, выглядели более традиционными. «Букварь для взрослых»²⁴ Всеволода Флерова демонстрирует явную преемственность по отношению к дореволюционным аналогам, а слова и примеры мало чем отличаются от примеров для детей: «У бабы была рубаха. Баба мыла рубаху. Рубаха была нова. Баба работала. Она пахала, бороновала. Хороша баба».

Неудивительно, что создатели советского букваря для взрослых «Долой неграмотность!», изданного в 1921 г.²⁵, решительно полемизируют с Флеровым и другими авторами, придерживающимися традиционного подхода. «Когда мы начинаем обучать чтению со слов „ах, ох“ (букварь Флерова), „сор, сок, рак“ (букварь Смушкова), „Щи да каша — пища наша“, „Мыло серо, да моет бело“ (букварь Тумима), а потом ведем политические беседы — мы нарушаем цельность педагогического процесса»²⁶. Авторы прямо заявляют, что обучение чтению и письму должно быть связано с политической грамотой, а для этого весь процесс обучения должен стать другим. Работа с букварем предполагает не просто повторение материала и общение учителя с учениками, но и практически непрекращающуюся политическую дискуссию, а иногда и некое подобие митинга.

Мы знаем, что выяснением лозунгов не ограничивается политическая работа, так же как чтением и письмом не ограничивается просветительная работа. Но этим мы кладем начало и тому и другому. И политическая грамота и обучение чтению у нас слиты воедино, и этим кладется начало не только получению образовательных навыков, но и зарождается интерес к общественной жизни. Обучающийся становится не только

²² Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности.

²³ Первое комсомольское совещание (протоколы заседаний). М.: Долой неграмотность, 1925. С. 45.

²⁴ Флеров В. Букварь для взрослых для обучения чтению и письму без слияния звуков. Пб.: Гос. изд-во, 1920.

²⁵ Долой неграмотность! Букварь для взрослых...

²⁶ Там же. С. 2.

в ряды грамотных людей, но и приобщается к борцам и строителям Советской России²⁷.

При этом идеология букваря должна не просто усваиваться или заучиваться, а интериоризироваться. Происходит отождествление советской власти и ученика, и в то же время, через политическое единство, — ученика и учителя. Их объединяет общее достижение: преодоление рабства. Это то бесценное завоевание, ради которого можно перетерпеть временные лишения. Разберем еще раз уже приведенный выше пример из букваря Элькиной:

Ты не сыта. Но ты не раба.

Одно это вселяет радость, надежду: «Ты не раба, ты рада».

Не забудем и о классовых противоречиях: «Ты рада советам, бары не рады».

Напоминание: «Мы не сыты, но мы не рабы».

И вывод: «Мы не рабы, мы рады».

Заканчивается торжествующей победой: «Мы рады советам, бары не рады».

Дореволюционный букварь социально ориентирован на общество с традиционными ценностями и соответствующим образом жизни. Буквари советские фактически признают, что жизнь не так уж сильно изменилась, но апеллируют к некоему уже возникающему будущему, которое почти всегда связывается с индустрией (тогда как в старых букварях преобладают сельские мотивы).

В букваре А. Либермана, В. Ройтмана, показательно озаглавленном «Завершаем пятилетку»²⁸, на первых страницах мы видим преимущественно имя Ленина в разных вариациях, причем текст постепенно усложняется, а имя вождя сплетается с лозунгами индустриализации. «Ленин. Дело Ленина. Мы за дело Ленина. Машины — дело Ленина. Завод имени Ленина. Машины селу — вот один из заветов Ленина. Выполним один из заветов Ленина».

Стилистика этого отрывка удивительно похожа на риторику «Ленинской киноправды» (выпуск 21) Дзиги Вертова. Титры в фильме напоминают лозунги в букваре, соединяя несколько монотонное повторение с нарастающей энергией: «Ленин всю жизнь работал и боролся. Задача Ильича — смычка. Ленина нет, но сила его с нами»²⁹.

²⁷ Там же.

²⁸ Либерман А., Ройтман В. Завершаем пятилетку. Букварь для взрослых. Ч. I. Харьков; Киев: Укргоснацмениздат, 1932.

²⁹ Фильм Д. Вертова «Ленинская киноправда. Вып. 21» см.: <http://www.youtube.com/watch?v=pkkraUAlfPs>

Далее в букваре идет уже довольно сложный текст, кратко объясняющий сталинскую концепцию индустриализации страны: «Все меньше и меньше ввозим мы машин из-за границы. Постепенно становимся хозяйственно независимыми от стран капитала».

Переход от старого общества к новому представляется мучительным, болезненным и полным драматизма, но необходимым. Букварь «Долой неграмотность!» откровенно предупреждает ученика о предстоящих трудностях: «Раньше плохо было, теперь еще хуже. Назад идти или вперед? Назад идти — значит, в рабство капитала попасть. Вперед идти — по-новому дело налаживать надо». В букваре для взрослых С.А Черновского «Ключ к знанию», изданном в Оренбурге в 1922 г., обучающиеся читали: «Наша страна бедна. В ней нет хорошей промышленности; нет хлеба, топлива. Пашни не обработаны. Скорее все на работу»; «По случаю эпидемии холеры въезд в город воспрещен».

Тема бедствий и неустроенности, постоянно присутствующая в текстах, не повод для уныния, нынешние невзгоды стимулируют читателя букваря на борьбу и ударный труд. «Заводы даны, но работы там нет, руды, дров нет, ни лопаты, ни бороны. Но мы все равны, мы не рабы. Была работа до пота, и все на бар. Теперь не бар работа, а о себе забота. Свое дело мы строим своим трудом. Мы все построим. Исправим мосты, добудем руду и дрова привезем на заводы. Паровозы, вагоны починим. С заводов плуги, серпы, ситцы разные в деревню повезем. А из деревни хлеб, картофель, масло в город привезем. Тогда разруха с голодом пройдут, когда деревня с городом рука об руку пойдут»³⁰.

Создатели букварей обращаются к рабочим и крестьянам, стараясь мобилизовать их не только на борьбу с неграмотностью, но и на активное участие в советском строительстве. При этом стремление создать учебник для взрослых наталкивается на принципиальную проблему социальной и профессиональной неоднородности обучаемых. Дети представляют собой относительно однородную среду. Работая со взрослыми, учителя сталкиваются с разнообразием жизненного опыта и даже образа жизни — в зависимости от возраста, семейного положения, рода занятий и национальности. Букварь «Ключ к знанию» начинается с предисловия, где формулируется эта проблема: «Интересы взрослых и их психологические особенности требуют иного подхода ко взрослым, с особыми вопросами и материалом для чтения. Слова, статьи и рассказы, стремящиеся осветить сферу вращения ребенка и его мир, не могут удовлетворить запросов взрослого, не могут возбудить в нем интереса к знанию. С дру-

³⁰ Долой неграмотность! Букварь для взрослых... С. 12.

гой стороны, ум не терпит односторонности и стремится к усвоению объективных знаний».

Некоторые авторы пытаются дифференцировать буквари, другие, признавая разнообразие запросов разных групп взрослых обучающихся, тем не менее стремятся к универсальности.

«Городской букварь»³¹ посвящен работе на заводе. Рабочие, вышедшие из крестьян, постепенно учатся городской, производственной жизни. Процесс адаптации вчерашних сельских жителей к новым формам труда протекал негладко: «У них не было привычки к промышленным типам труда, они не понимали, отчего на работу надо ходить каждый день, не прерываясь после полудня ради „праздника“, который состоял в плясках и выпивке» [Козлова, 1999. С. 158].

Задачу формирования фабричной дисциплины отчетливо ставит перед собой автор «Городского букваря»: «На работу. На заводы. Наша работа на заводе. Работа наша у машины. Нам рано надо на работу, на завод. У нас 1 час на обед. До обеда 2 часа. У нас 7 часов работы. Работали 8 часов, а перешли на 7. Мы работали весь день. Чинили машину. Вот и 3 часа. Пора кончать работу. Нам надо в комитет. Там у нас заседание».

Составители «Книги для чтения и бесед в школах взрослых» придерживаются другого подхода: «Мы пришли к следующему выводу: аудитория в школах взрослых, в особенности малограмотных, не носит специфических черт, связанных с профессией...»³². И далее очень важное наблюдение: «Книга для чтения должна быть построена не на спецификации условий труда, <...> а на психологических особенностях взрослого человека — человека труда в связи с социально-экономическими условиями его развития и существования»³³.

Стремление создать универсальный букварь для взрослых явно преобладало. Авторы большинства букварей пытались обращаться одновременно к работникам города и деревни, и объединение этих двух аудиторий имело четкий идеологический смысл. «Ликвидаторы» не просто учат рабочих и крестьян читать и писать, но и формируют из них новую общность «советских людей». Пути, которые выбирали составители букварей для достижения универсальности текстов, были иногда довольно курьезными.

Букварь для взрослых, изданный Киргизской центральной чрезвычайной комиссией по ликвидации неграмотности³⁴, со-

³¹ Ройтман В. К новой жизни. Городской букварь для взрослых. Харьков: Центриздат, 1930.

³² Книга для чтения и бесед в школах взрослых / сост. С. Зельцер, Д. Элькина. М.: Гос. изд-во, 1921. С. 152.

³³ Там же. С. 158.

³⁴ Ключ к знанию. Букварь для взрослых / сост. С. А. Черновский. Оренбург: Киргосиздат, 1922.

единяет в единый текст совершенно разнородные образы и термины:

Караул. Кулак. Аллах. Саксаул. Оса сосала сок.

Муха сосала сахар. Сахару мало. У Маркса ум. Комар кусал руку.

Амур — река. У села рос саксаул. Мама мела сор. Маркс умер.

Сентенции соединены вне всякой логики. Кажется, что автор пытается забить голову обучаемому самыми разными, никак не связанными между собой фактами: «Короленко умер. Наука — сила. Мир не мал. Река Нил несла ил. Аул окутан мраком. Трона нет, а темнота стоит. Скоро устраним темноту. На Алтае растут орехи».

Сведения из области истории, географии и даже этнологии соединяются здесь весьма причудливым образом: «Крым — страна татар. Румыны хитры и скрытны. Хохлы тихи и скромны.

Маркс и Короленко умерли. Мир праху их!

Бурлаки от тоски пели песни. У них нет хлеба. Бабы косили просо. Крым был у белых, потом стал у красных».

Иногда бессвязный поток слов, имен и фактов приобретает некоторый смысл, напоминая читателю о текущих проблемах экономического развития: «Хлопок — растение Туркестана и Америки. По обработке хлопок — вата и ткани. У нас хлопка мало. Америка не пропускает к нам хлопок».

Даже в таком хаотическом тексте была некоторая логика. По сути, его автор ставил перед собой ту же задачу, что и другие участники кампании: соединить обучение грамоте с рассказом о мире и внедрением советской идеологии. Но в отличие от своих коллег он захлебнулся в материале, не сумев привести его к какому-то порядку.

«Деревенский самоучка»

Кампания по ликвидации неграмотности освещалась и анализировалась во множестве книг и брошюр, а также периодических изданий: «Деревенский самоучка», «Листок просвещенца» (Псков), «Листок самообразования» (Брянск), «Листок самообразования для деревни» (Брянск), «Просвещенец» (Петроград), «Просвещение» (Вятка), «Просвещение» (Краснодар), Просвещение «Педагогический сборник» (Петроград) и т. д. Содержание этих журналов позволяет убедиться, что в процессе ликвидации неграмотности людям давались не только навыки чтения и письма, но и общие представления о мире.

Инструктивный сборник общества «Долой неграмотность», подготовленный для преподавателей и активистов, ведущих работу в деревне, очень четко и подробно объяснял, какие именно задачи решались в ходе кампании:

Задача обучения неграмотного сводится к тому, чтобы научить его пользоваться книгой и газетой и применять полученные знания в обыденной жизни. Для этого нужно:

- научить неграмотного читать ясный печатный и письменный шрифт;
- научить делать краткие записи, необходимые в обыденной жизни и в служебных занятиях (написать письмо, адрес на конверте, записать хозяйственный расход, составить небольшое заявление, заполнить анкету и т. д.);
- чтобы сумел прочесть и записать числа любой величины, проценты и дроби: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, 0,5, 0,25 и т. д.;
- познакомить с метром, килограммом, литром и гектаром³⁵.

Ну и, разумеется, «познакомить с основами строительства Советской власти, значением Советов и Красной армии»³⁶.

Однако задача школы, обучающей как взрослых, так и детей, не сводится к формированию умения читать и писать. Авторы букварей отмечали, что не менее важно «придать стройность мышлению, выработать дисциплину речи»³⁷. Ведь даже взрослые, умудренные жизнью люди проявляют «путанность представлений», «нечленораздельность мыслей».

И ладно бы «тупость» — именно это слово используют составители сборника — была свойственна лишь отсталым, неразвитым учащимся, но ведь нет: она «присуща и развитому, хорошо разбирающемуся в сложных явлениях рабочему». Здесь выявляется острая методологическая проблема: взрослых, как правило, учат обсуждать прочитанное, а обсудить рассказ они, оказывается, не в состоянии. По мнению авторов, гораздо продуктивнее было бы переносить центр бесед «с того, что читает обучающийся, к беседе по поводу того, что он прочитал». «Если так подходишь к вопросу и задаешь вопрос, не касающийся самого рассказа, а темы, связанной с ним и с практическим жизненным опытом обучающегося, эффект получается совсем другой»³⁸.

Те же задачи ставил «Деревенский самоучка». Этот крестьянский журнал по самообразованию, издававшийся Московским губполитпросветом в середине 1920-х годов, был, пожалуй, одним из самых ярких изданий подобного рода. Своеобразное обаяние его текстов порождено сочетанием прагматичности

³⁵ Веллер Л., Леший Н. (ред.) О работе общества «Долой неграмотность!» в деревне: инструктивный сборник. Новониколаевск: Новониколаевское общество «Долой неграмотность!», 1925. С. 18.

³⁶ Там же.

³⁷ Книга для чтения и бесед в школах взрослых. С. 158.

³⁸ Там же. С. 154.

с мечтательным взглядом в будущее. Для решения поставленных задач авторы журнала предлагали порой весьма неожиданные приемы. Так, в разделе «Вопросительные фразы» помещена статья «Разговор у воздушного шара».

- Скоро полетит?
- Не можем знать. С самого вечера надувают.
- А чем его надувают? Воздухом?
- Газом каким-то. Вроде воздуха.
- А как он полетит? С человеком?
- С человеком³⁹.

На страницах «Деревенского самоучки» постоянно присутствует мечта: путешествие, взлет в небо, рывок в неизвестное.

Построение занятий в виде вопросов и ответов опиралось на давнюю традицию, идущую еще со времен Средневековья. К этому методу прибегали не только авторы «Деревенского самоучки», но и другие участники кампании. Образцы некоторых уроков, которые были рекомендованы для работы с неграмотными, производят весьма архаичное впечатление:

Какая власть у нас теперь? Советская. Почему наша власть называется советской? Потому что страной управляют Советы. Из кого состоят Советы? Из бедняков, рабочих и крестьян. Чьи интересы защищают Советы? Интересы трудящихся. Из всего этого ясно, что наша сила есть что? Наша сила — Советы. Показать в букваре лозунг и прочитав вместе с учеником не спеша. Лозунг разделяется на отдельные слова, ученик читает каждое слово и всматривается в начертание его. Когда обучающий убедился, что ученик хорошо запомнил лозунг и находит отдельные слова в букваре, обучающий приступает к чтению лозунга в переставленном виде: «Советы — наша сила». Если ученик сумеет прочесть лозунг в переставленном виде, то цель урока достигнута⁴⁰.

Здесь заучивание идеологических формул новой власти происходит вместе с освоением навыков логического рассуждения.

Иногда стремление во что бы то ни стало натренировать неграмотных доходило до абсурда. Выступая на первом комсомольском совещании, посвященном вопросам ликбеза, Н. Бугославская, соавтор букваря «Долой неграмотность!»,

³⁹ Палей И. Р. Вопросительные фразы // Деревенский самоучка. 1927. № 3. С. 15.

⁴⁰ Веллер Л., Леший Н. О работе общества «Долой неграмотность!» в деревне. С. 23.

предлагала совсем уже странные упражнения: «Чтобы представить себе, какие затруднения приходится преодолевать неграмотным учащимся при обучении по буквам, нужно попробовать нам, грамотным, прочесть наоборот хотя бы известный комсомольский лозунг: „К 12-му международному юношескому дню — ни одного неграмотного комсомольца“ — „к12-ум умондорануджемумоксешонююндиногондоогонтомаргенацьломосмок“. Если даже мы начнем читать фразы, составленные из более коротких слов, например, возьмем лозунг букваря: „Наша сила — наша нива“ и прочтем буквы в словах наоборот „авинашан — алисашан“, то и это чтение потребует от нас известного умственного напряжения, и чтение получится не гладкое, а с заминкой»⁴¹.

Стремление преподавателя войти в положение неграмотного оборачивалось полной потерей смысла чтения для самого борца с неграмотностью. Может быть, именно поэтому авторы методических текстов старательно фиксируют смысловые вехи, по которым должен развиваться процесс обучения. Передвигаясь от одной темы к другой, преподаватель закреплял в сознании ученика предыдущий материал, давая образец того, как одни рассуждения можно нанизывать на другие.

Необходимо, чтобы настоящий урок был тесно связан с прошлым, предложить ученику вспомнить, в чем наша сила. — Наша сила — Советы. — А какая власть была раньше? — Царская. — Как жилось трудящимся при царе? — Жили очень плохо — в нужде и непосильном труде. — Почему трудящиеся жили плохо, а буржуазия в богатстве? — Потому что царская власть одних угнетала, а других обогащала. — Долго ли так продолжалось? — Продолжалось это целые века. — Как рабочие и крестьяне относились к этому? — Видя и зная все несправедливости, они упорно боролись. — К чему эта борьба привела? — В 1917 году, в октябре, мы добыли Советы⁴².

Так в виде вопросов и ответов учащиеся усваивали и запоминали то, что нужно было знать об истории советской страны. Чем более сложные задачи решает преподаватель, тем больше в учебном материале политики и идеологии.

В. Флеров в 1920 г. делился опытом обучения неграмотных взрослых. Главный принцип все тот же: двигаться маленькими шажками. «После первого знакомства и опроса перехожу к беседе, подготовляющей грамоту. Знаете ли грамоту? Видали ли

⁴¹ Первое комсомольское совещание (протоколы заседаний). С. 42.

⁴² Веллер Л., Леший Н. О работе общества «Долой неграмотность!» в деревне. С. 24.

книгу? Что в книге есть? — На этот вопрос иногда отвечают: буквы. Кто из вас знает буквы? Какие? — Некоторые называют две, три, четыре буквы, называя неправильно *сы, мы, ны* и т. п. Некоторые не знают ни одной. Показываю книгу; рассматриваем, что в ней есть...»⁴³

Движение от простого к более сложному — классический прием педагогики. Будучи специалистом старой школы и опираясь на традиционные методы, Флеров, тем не менее, старался наполнить процесс обучения новым политическим содержанием. Получалось не всегда убедительно:

Теперь начнем изучать слова... Показываю на руку. Что это? — Рука. *РУКА*, — сколько слов сказал? Одно.

<...> Показываю шею. Это что? Сколько слов? Шея — скажите по частям! Скажите первую часть, вторую! Так же прорабатываем слова: глаза, уши, плечи, ноги, голова, улица, революция, выборы и т. д.

Так, в одном ряду с «рукой» и «шеей» следуют «революция» и «выборы», правда, отделенные от частей тела «улицей», что свидетельствует о выплеснутой наружу энергии.

В качестве поучительных примеров часто используются мрачные рассказы о прошлом. «Как жили рабочие раньше? Работница Блонина жила в подвальном этаже. Жалованье было совсем маленькое, прожить нечем. Работницы стали требовать прибавки жалованья. Царские слуги выстрелили и убили несколько работниц».

Не свободна от идеологии и арифметика:

Число несчастных случаев в год на фабриках и заводах в царской России.

Смертельных	4094.
Тяжелых.	27 108.
Легких	309 438.
Всего	340 640. ⁴⁴

На все лады поворачивая одну и ту же тему, повторяют и повторяют главные мысли — так, чтобы бывшие неграмотные запомнили их крепко-накрепко. Даже упражнения по пунктуации выполняются на примерах, формирующих классовое сознание:

Перепишите следующий отрывок, поставив, где нужно, точки и большие буквы: «Советская власть примирила рабоче-

⁴³ Флеров В. Как обучать неграмотных взрослых. С приложением статьи: Мои уроки с неграмотными взрослыми. 2-е изд. М.: Ясное утро, 1920. С. 16.

⁴⁴ Там же.

го с заводом спокон веку рабочий ненавидел завод завод был для него тюрьмой завод был противный, постылый теперь стал завод родной свой труд стал тоже родной, интересный, свой»⁴⁵.

Это вбивание в голову необыкновенно эффективно: новые слова стучат в голове у вчерашних крестьян, как у Марфы из книги «В стране свободного труда»:

Слово «индустриализация» сверлило у Марфы мозг. А переварить это слово ее голова отказывалась.

Впрочем, более грамотная работница объясняет ей сущность индустриализации:

Приглядитесь, чем мы работаем. Ткацкий станок из Англии, банкоброшная машина из Германии, а при оборудовании электростанций — все машины целиком из-за границы. Но, выписывая из-за границы машины, мы должны платить за них золотом, которого у нас мало, или везти туда за бесценок сырье и другие продукты, которые подчас нам самим и нужны.

Нам нужно много машин, да еще таких, чтобы они по своему усовершенствованию были выше заграничных. Для этого нужно строить заводы, которые вырабатывали бы нужные нам машины. Тогда мы не будем зависеть от заграничного капитала.

Вот, что значит индустриализация⁴⁶.

Так в нескольких строчках изложена концепция сталинской модернизации.

Формулы букварей и призывы к индустриализации передают общее направление советской идеологии так же, как и титры фильма Дзиги Вертова «Шестая часть мира» (1926), где те же самые лозунги повторяются многократно, застревают в голове зрителя: «Обменять нашу пушнину — на необходимые нам машины, — чтобы еще скорей росло — наше собственное — строительство машин, — на машины, производящие машины». И потом снова: «Мы сами хотим производить — не только ситец — но и машины, необходимые для производства ситца, — мы хотим сами производить — не только тракторы, — но и машины, производящие тракторы... Угнетенные страны — постепенно от-

---

⁴⁵ Гусева А. В стране свободного труда. Рабочая книга для городских школ малограмотных. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927. С. 39.

⁴⁶ Там же. С. 76.

падая от мирового капитала — будут вливаться в русло единого социалистического хозяйства — в русло единого социалистического хозяйства»⁴⁷.

Старик Сеницкий из «Золотого теленка» тоже мучился словом «индустриализация». Но у него была другая проблема: он не мог поделить его на осмысленные слоги для шарады. И Марфа, и Сеницкий бессильны против завораживающего слова. Марфа — потому что полуграмотна, а старик — потому что слишком грамотен, или, точнее, грамотен «по-старому». Однако в конце концов Марфа-то выучится новому советскому языку, а старик — нет.

Формирование культуры устной речи

Одновременно с овладением навыками чтения и письма у обучающихся формировали новую культуру устной речи, ведь от советского гражданина требуется не только писать и читать, но и выступать на собраниях, делать доклады, участвовать в прениях.

Широкая масса еще далеко недостаточно владеет речью, далеко не знает языка, на котором говорит, следует слепому житейскому инстинкту, — читаем мы в книжке А. Агиенко «Живое слово», выпущенной в 1927 г. обществом «Долой неграмотность!». — В то же время условия нового советского общества требуют от каждого гражданина умения владеть языком, не только сознательно усваивать печатный текст, но и выступать публично.

В широких массах с каждым днем растет сознание своей речевой некультурности. Вслед за лозунгом: «Долой неграмотность письменную!» все настойчивее выдвигается как безотлагательная задача ликвидация безграмотности устной.

Потребность ликвидировать свою устную безграмотность особенно остро ощущается широкими слоями молодежи, клубным и библиотечным активом, низовыми профработниками. Так, профессиональные и библиотечные работники Томской железной дороги жалуются: «Мы не умеем говорить. Мы или молчим, часто имея ценные мысли, или говорим растянуто, водянисто, заикаясь, путаясь».

Жаловались на болезненное переживание своего «молчаливчества», на неумение не только выступить публично, но и вообще толково изложить свои мысли в беседе один на один.

Жаловались на неумение заставить слушателей быть к себе внимательными, на слабость звука, неясность произношения,

⁴⁷ Фильм Д. Вертова «Шестая часть мира» см.: <http://www.youtube.com/watch?v=27nvYsil52Y>

мешающие руки, заплетающийся язык, дрожащие от волнения ноги, на отсутствие содержательности и выразительности речи и десятки прочих дефектов в технике публичных выступлений не только перед широкой аудиторией, но и в кружке, в группе близких людей. Все это побудило нас лозунг «Долой устную безграмотность!» считать одним из основных лозунгов клубов и библиотек⁴⁸.

Правда, усваивая навыки грамотной устной речи в новых, изменившихся условиях, люди начинали говорить отнюдь не языком Пушкина и Лермонтова и даже не языком Плеханова и Ленина, а штампованными бюрократическими формулами, которые они неминуемо находили в советских документах.

Наша речевая неграмотность еще слишком велика, — сетует А. Агиенко. — Так, в нашем разговоре слишком чувствуется канцелярский язык. Все эти «непринятие мер предосторожности», «вследствие», «во избежание невозможности» режут ухо⁴⁹.

Невольно вспоминается известный диалог из рассказа М. Зощенко «Обезьяний язык», написанного в 1925 г.:

- А что, товарищи, это заседание пленарное будет али как?
- Пленарное, — небрежно ответил сосед.
- Ишь ты, — удивился второй, — то-то я гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.
- Да уж будьте покойны, — строго ответил второй. — Сегодня сильно пленарное, и кворум такой подобрался — только держись.
- Да ну? — спросил сосед. — Неужели и кворум подобрался?
- Ей-богу, — сказал второй.
- И что же он, кворум-то этот?
- Да ничего, — ответил сосед, несколько растерявшись. — Подобрался, и все тут.
- Скажи на милость, — с огорчением покачал головой первый сосед. — С чего бы это он, а?⁵⁰

Спустя пять лет журнал «Культура и быт» публикует сценку из жизни:

---

⁴⁸ Агиенко А. Живое слово. М.: Художественный отдел Главполитпросвета; Долой неграмотность, 1927. С. 3.

⁴⁹ Там же. С. 5.

⁵⁰ Зощенко М. Обезьяний язык // Зощенко М. Суета сует. М.: Русская книга, 1993. С. 99–100.

В пустом зале для заседаний сидят трое: тов. Тарасова, завклубом и одна гражданка из актива.

— Что ж, не состоялся пленум?

— Да, не состоялся. Даже председатель не явился⁵¹.

Сходство двух диалогов очевидно. Однако вопрос в том, что на самом деле имеют в виду участники разговора. Собеседники у Зоценко, на первый взгляд, друг друга не понимают. Напротив, в сценке из журнала смысл происходящего ясен всем участникам.

В старой литературе, — пишет критик Б. Сарнов в книге «Случай Зоценко», — <...> мы уже сталкивались с диалогами, весь комизм (или драматизм) которых состоял в том, что собеседники не понимали друг друга, потому что разговаривали как бы на разных языках. Здесь перед нами нечто принципиально иное. Собеседники говорят на одном языке. И оба его не понимают <...> Тут особенно ясно видно, что язык, на котором изъясняется зоценковский герой, для него — чужой, в полном смысле этого слова *иностраный* язык⁵².

Однако настолько ли не понимают друг друга герои Зоценко? Ведь, по существу, они сообщают друг другу не совсем то, о чем думает интеллигентный читатель. Они не столько информируют о происходящем вокруг, сколько обмениваются кодовыми сигналами, свидетельствующими об освоении новой лексики. Смысл слов им ясен не до конца, но гораздо важнее то, что слова эти они уже выучили.

О стремлении молодых людей из деревни войти в советский социум подробно писала антрополог Н. Козлова: «Они активно приобщались к задаваемому обществом канону на манер того, как овладевают иностранным языком взрослые, т. е. действуя вполне целесообразно» [Козлова, 1999. С. 160]. От этого зависело их будущее. «Бывшие крестьяне, попадая в общество большое, городское, вовлекаются в сферу действия большой идеологии, через которую люди объединялись в одно общество. Для того чтобы придать объективную силу высказыванию, обращаются не только к пословицам, но и к языку идеологии. Однако этот язык используется тем же способом, что и пословица. Они делают это контекстуально, ситуационно (например, когда надо обратиться к властям, заполнить личный листок по учету кадров, рассказать свою биографию)» [Там же. С. 158].

⁵¹ Культура и быт. 1930. № 20. С. 15.

⁵² Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зоценко. М.: Пик; РИК «Культура», 1993. С. 156–157.

Постепенно освоение нового языка шло от заучивания слов к пониманию их смысла, а затем — к способности самостоятельно использовать этот смысл и манипулировать им. Язык из «иностранный» становится родным.

Новый русский, а затем советский язык возникает на наших глазах. Авторы букваря «Долой неграмотность!» прямо указывают на то, что, продвигаясь шаг за шагом в освоении навыков чтения и письма, ученики получают нечто большее — культуру речи и даже культуру мысли: «Мало постигнуть тайну слияния звуков, надо приобрести технику чтения, чтобы приобрести возможность читать газету. Выработке техники чтения помогает ритмичность речи. Поэтому вторая часть букваря составлена из стихотворений. Они объединяются между собой рядом лозунгов, после стихотворения поставлены вопросы, ответы на которые ищите в личной жизни, в текущих событиях, в книгах...»⁵³

Советский человек должен был научиться не только излагать свои мысли, но и делать это в той форме, которая соответствовала бюрократическим требованиям⁵⁴.

Навыки коммуникации с властью

⁵³ Долой неграмотность! Букварь для взрослых... С. 3.

⁵⁴ Тема нового языка, с помощью которого осуществлялась коммуникация между властью и советскими гражданами, является предметом целого ряда западных исследований. В частности, американский историк М. Горэм анализирует развернувшиеся после революции 1917 г. среди большевиков дискуссии о том, как донести идеи марксизма до малограмотного населения [Gorham, 2003], а С. Коткин в своей классической работе о рабочих Магнитогорска констатирует, что освоение трудящимися официального языка «было неизбежным и, более того, придавало смысл человеческой жизни» [Kotkin, 1995. P. 224]. Отчасти эта тема затрагивается и в книге Е. Добренко «Формовка советского читателя», где наглядно показано, что создавая литературу социалистического реализма, советская власть не только добивалась торжества определенной художественной эстетики, но и формировала соответствующего нового читателя. В рамках новой, постреволюционной политики массового просвещения не только делался упор на распространение библиотек и культуры чтения как такового, но и происходила «политизация проблемы читателя» [Dobrenko, 1997. P. 29]. Государство не только стремилось научить людей читать, ему было отнюдь не безразлично, что и как люди читают. Все перечисленные работы, однако, сосредоточивают основное внимание на том, как власть коммуницировала с населением, доносила до него свои идеи, используя новый язык для интеграции масс в собственный социально-политический и экономический (в случае Коткина) проект. В настоящей статье мы рассматриваем другой полюс этой коммуникации между властью и обществом: то, как обучившиеся читать и писать советские граждане сами осваивали (и отчасти формировали) советский язык для взаимодействия с властью и для того, чтобы, манипулируя официальными понятиями и терминами, добиваться реализации собственных целей.

«Остановимся на составлении порядка дня собрания, извещения о собрании, резолюции и протоколов. <...> Раньше, чем назначить собрание, вырабатывают порядок дня (повестку дня) собрания. Порядок дня — это план собрания, список вопросов, которые нужно обсудить. Когда порядок дня выработан, составляют извещение о собрании. В извещении указывается время и место собрания, порядок дня его и кто созывает собрание»⁵⁵, — пишет И. Палей, постоянный автор журнала «Деревенский самоучка». Слова и формулы, известные советскому человеку едва ли не с детства, когда-то надо было написать в первый раз.

На собрании каждый вопрос обсуждается отдельно, по порядку, — терпеливо разъясняет И. Палей. — Когда прения (обсуждение) по одному вопросу прекращаются, ставят на голосование поступившие предложения и выносят резолюцию (решение, постановление).

После того как читатели журнала усвоили, как составлять протоколы собраний, можно переходить к более сложной форме — протоколу-отчету.

Протокол № 2
 Общего собрания женщин села Пеньки.
 10 февраля 1927 г.
 Присутствовало 25 чел.
 Председатель — тов. Петрова. Секретарь — т. Федина.
 Порядок дня.
 1. Об отоплении школы.
 2. О курсах повивальных бабок.
 3. О ликвидации неграмотности среди женщин»⁵⁶.

Остановимся подробно на первом пункте: «об отоплении школы».

Тов. Е. И. Смирнова (учительница) сообщает, что школа уже целый месяц не отапливается, потому что нет дров. Ребята сидят в классах не раздеваясь, но все же мерзнут. Это мешает им учиться и является причиной простуд. На неоднократные просьбы о помощи председатель волисполкома отвечает, что он помочь не может, так как крестьяне отказываются рубить лес для школы. К кому же теперь обратиться? Пусть хоть матери позаботятся о своих детях.

Тов. Панова считает, что женщины должны оказать помощь школе. Нельзя допускать, чтобы дети болели из-за холода.

⁵⁵ Палей И. Р. Раздел «Русский язык» // Деревенский самоучка. 1927. № 19. С. 12.

⁵⁶ Там же. С. 14.

Если мужчины не хотят поработать для школы, нужно их пристыдить.

Тов. Акимова говорит, что мужчин так скоро не пристыдишь, а дело не терпит отлагательств. Нужно установить такой порядок: каждый ученик, приходя в школу, приносит с собой 1–2 полена; кто не приносит, тот не допускается к занятиям.

Тов. Панова возражает, говоря, что у некоторых родителей у самих нет дров. Нельзя лишать их детей возможности учиться.

Тов. Самусева предлагает завтра же отправиться с салазками по избам за сбором дров: кто сколько даст.

Тов. Федина говорит, что из предложения т. Самусевой ничего не выйдет, т. к. многие ничего не дадут. Особенно, у кого дети в школе не учатся.

Тов. Петрова считает, что организовать сбор дров по избам можно. Но этим путем не обеспечить школу дровами на всю зиму. Нужно нарубить дров в лесу и доставить дрова в школу. Если мужчины отказались от этого, женщины сделают это сами. Мужчинам станет в конце концов стыдно, и они примкнут к женщинам⁵⁷.

Протокол-отчет, описывающий перипетии собрания в сельской школе, весьма реалистичен. Однако, как это часто бывало в советском сознании, отечественные реалии как единственно возможные переносились и на все остальное человечество. Не было никаких сомнений, что и в Англии, и в Америке, и, возможно, в Индии были такие же собрания и протоколы, председатели и секретари, повестки дня и заявления. И составлялись они на таком же универсальном канцелярско-советском языке.

Перед нами еще один протокол. Но составлен он уже в капиталистической стране (возможно, в Англии). Он предваряется рассказом «В огненном пекле». С рабочим металлического завода произошел несчастный случай. Он получил сильнейшие ожоги, из-за которых надолго или даже навсегда потерял способность к труду⁵⁸. Рассказ занимает несколько страниц и написан вполне в духе традиционных повествований того времени об ужасах капитализма. Конечно же, не обходится без противопоставления их справедливым советским порядкам. «Если бы это произошло у нас в СССР, пострадавшего лечили бы на государственный счет и выплачивали бы ему пособие». Ну, это у нас. «Но по именам рабочих вы, верно, уже поняли, что это случилось не в нашей стране». Поняли. Разве что по именам — имена тут тоже показательны: Хигинс (отголосок «Пигмалиона»), Диксон (а это будет позже, в фильме «Цирк»).

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Палей И. Р. Как составлять протокол-отчет // Деревенский самоучка. № 8, 1926. С. 14.

Итак, на заводе произошел несчастный случай. Рабочие собираются и пишут протокол.

Протокол группы рабочих-коммунистов сталелитейного завода «Смайльс и компания»

10 марта 1924 г.

Присутствовали 10 человек.

Председатель Джон Хигинс. Секретарь — Том Диксон.

Повестка дня:

1. Сообщение о несчастном случае в литейном отделении.
2. О помощи пострадавшему.
3. О подготовке стачки.

I. Сообщение о несчастном случае.

Джон Хигинс сообщает, что сегодня на заводе вновь произошло несчастье. Бенджамин Стэнли сорвался и упал в отливочную яму. Стэнли спасен от смерти. Но работать он уже не может. Несчастные случаи за последнее время слишком участились. Пора положить конец этому безобразию.

Александр Бюрель говорит, что во всех несчастных случаях виноваты буржуазные государства. Установленный законом рабочий день слишком продолжителен. Если бы рабочий день был восьмичасовым, несчастных случаев было бы меньше. Нужно думать, что тов. Стэнли упал из-за головокружения, которое было вызвано общим утомлением.

Тов. Диксон говорит, что несчастье произошло из-за преступной халатности администрации завода. Не было принято самых необходимых мер для того, чтобы обеспечить безопасность работы. Пострадавший не был снабжен даже предохранительными очками, нестерпимо яркий свет ослепил его, так что он не видел, куда ставил ногу.

Джон Хигинс говорит, что больше молчать нельзя. Капиталистам нужно показать, что рабочие умеют отстаивать свои интересы. Необходимо завтра же организовать общее собрание рабочих завода. Собрание должно сделать следующее:

- 1) обратиться к заводууправлению с решительным протестом против участвовавших несчастных случаев;
- 2) требовать немедленного принятия мер для обеспечения безопасности;
- 3) требовать привлечения виновных к ответственности.

Предложение Джона Хигинса собранием принимается единогласно.

II. О помощи пострадавшему.

Джон Хигинс говорит, что необходимо позаботиться о самом пострадавшем. Нельзя позволить, чтобы и на этот раз завод отделался лишь жалкой подачкой. У Стэнли есть семья — жена и трое детей. Нужно не дать им умереть с голоду.

Эти «англичане» ведут себя точно так же, как повели бы себя участники советского собрания. И выражения у них те же: «преступная халатность», «передать на рассмотрение». Жизнь в вымышленной державе протекает по той же логике, что и жизнь в Советском Союзе, только, разумеется, с противоположными знаками. Это вообще характерное представление о «загранице» людей, никогда не там не бывавших и с трудом представляющих, как устроена чужая жизнь.

Эту особенность советского коллективного воображения уловил Зощенко:

Помоется этот американец, назад придет, а ему чистое белье подадут — стираное и глаженое. Портянки небось белее снега. Подштанники зашиты, залатаны. Житьишко!⁵⁹

Освоение бюрократического языка в журнале «Деревенский самоучка» идет по восходящей. Крестьян учат не только разговаривать с властью, но и переписываться с ней. Образцы заявлений печатаются в журнале и становятся общим достоянием.

В сельсовет
деревни Лохино Павловской волости,
Воскресенского уезда, Московской губернии.
Крестьянина Кирова Степана Петровича, живущего в назван-
ной деревне

Заявление

Прошу освободить меня навсегда от несения обязанности сельского исполнителя. Я признан инвалидом труда, вследствие отнятия руки. А инвалиды войны и труда по закону от этих обязанностей освобождаются.

15 ноября 1926 г. Степан Киров⁶⁰.

Сюжеты заявлений, в основном довольно зловещие, непременно предполагают некую несправедливость, с которой приходится бороться.

В избирательную комиссию села Шальновского
Кузнецовской волости, Уржумского уезда, Вятской губернии.
Крестьянина Меркурьева Николая Дмитриевича, живущего
в селе Шальновском

Заявление

Прошу исключить меня из списков лишенных избирательного

⁵⁹ Зощенко М. Баня // Зощенко М. Суета сует. С. 104.

⁶⁰ Палей И. Р. Раздел «Русский язык» // Деревенский самоучка. 1927. № 19. С. 15.

права. Меня внесли в списки лишенных избирательного права за то, что кроме обработки земли я занимаюсь еще выделкой корзин на продажу.

По нашему же избирательному закону крестьяне, занимающиеся кустарным промыслом и имеющие только двух учеников, избирательного права не лишаются.

Прилагаю справку сельсовета о том, что у меня только два ученика.

Николай Меркурьев.
17 сентября 1926 г.»⁶¹.

Шаблоны, предлагаемые авторами просветительского журнала, успешно будут применяться в сотнях тысяч и даже миллионах писем трудящихся. Знали ли ликвидаторы, сколько доносов и жалоб впоследствии будет написано «по всем правилам» вчерашними неграмотными гражданами?

Заключение В 1920–1930-е годы в СССР была организована и проведена самая крупная культурная кампания в истории Европы. Она, разумеется, опиралась на опыт прошлого, начиная со знаменитой кампании Kulturkampf в Германии времен Бисмарка, но масштабы задач и размах работы, проводившейся в СССР, были совершенно беспрецедентны. Американский историк Б. Эклоф констатирует: «Есть все основания говорить, что за 22 года (1917–1939) Советский Союз достиг того, на что Британии, Франции и Германии потребовалось по меньшей мере столетие, причем основные успехи были достигнуты в течение всего одного десятилетия» [Eklof, 1987. P. 141–142].

Можно, конечно, поставить под сомнение масштабы этого успеха — на том основании, что советский опыт был уникален, а потому сравнивать его не с чем. Однако это не так. Аналогичные кампании проводились в странах Азии и Африки, а также в Латинской Америке после Второй мировой войны, причем даже там, где государство не ориентировалось на советскую политическую модель, оно опиралось на советский опыт в проведении просветительской кампании. Но несмотря на то что, как правило, масштабы задач были в этих случаях гораздо меньше и положение в стране не диктовало необходимость проведения данной кампании в кратчайшие сроки, добиться успехов, аналогичных советским, не удавалось. Причина состоит в том, что во всех этих случаях отсутствовал самый главный элемент советского опыта: ликвидация неграмотности в Советском Союзе происходила вместе с радикальным изменением всего образа жизни и труда

⁶¹ Палей И. Р. Раздел «Русский язык». С. 16.

населения, в результате чего приобретаемые навыки немедленно оказывались востребованы и задействованы. Если же обучение грамоте происходило в обществах, сохранявших традиционные отношения, распространение знаний шло значительно медленнее, и население зачастую быстро утрачивало вновь приобретенные знания.

Позднее советские образцы использовались при организации массовых кампаний по борьбе с неграмотностью в странах Азии и Африки. Однако масштабы и результаты этих кампаний существенно уступали тому, что имело место в СССР.

Проект ликвидации неграмотности однозначно удался. И не только в техническом, но и в идеологическом смысле. Внедрение в массовое сознание новой государственной идеологии было неотделимой частью этой кампании, которая опиралась на радикальные общественные преобразования, происходившие в стране. Процесс ликвидации неграмотности был формой конструирования новой культурно-идеологической реальности, в которой жило и которую само творило население, прошедшее эту школу.

По ходу развития кампании в нее были вовлечены огромные массы людей, причем не только в качестве учеников, но и в качестве преподавателей и организаторов. Массы советских граждан, прошедшие через этот опыт, усвоили не только навыки чтения и письма, но и «правильное мировоззрение», необходимое для вхождения в советский социум. Они освоили (и отчасти сами начинали формировать) советский язык, политическую и бюрократическую лексику. Они научились выступать, делать доклады, составлять жалобы, доносы и заявления, письменно общаться с властью, реализуя уже свои собственные интересы и цели.

В методологическом отношении участники кампании нередко использовали разработки дореволюционных просветителей, в частности материалы Комитета грамотности [Глуценко, 2013. С. 64–80]. Однако размах их работы и ее идеологическое наполнение были совершенно иными. Мотивы активистов не совпадают с мотивами дореволюционного земского учителя. Те, кто ликвидирует неграмотность, мотивированы революционной и, главное, партийной идеологией. А у неграмотных своя мотивация: интеграция в общество и необходимость соответствовать его требованиям. Другое дело, что миллионы вчерашних неграмотных, освоив вместе с навыками чтения и письма формулы советского языка, научились применять их по собственному усмотрению, зачастую действуя совсем не так, как предполагали идеологи 1920–1930-х годов. В результате формулы официальной идеологии постепенно превращались в бессмысленные заклинания. Но они сохраняли свое магическое свойство, поскольку владение этим языком оставалось важным условием для выживания гражданина в обществе.

Культурная работа 1920–1930-х годов стала основой системы пропагандистских воздействий, которые продолжал испытывать советский человек в последующие годы, будучи уже вполне грамотным. Идеологическая риторика вошла в повседневность, став частью обывденного языка. Со своей стороны массовые кампании того времени повлияли и на саму идеологию, по крайней мере на те методы, которыми она доводилась до масс. Неоднократно отмеченная исследователями дидактичность советской идеологии своими корнями уходит именно в этот опыт.

Когда общество, еще недавно победившее неграмотность, превратилось в «самую читающую страну в мире», власть продолжала твердить все те же формулы, обращаясь к образованным людям как к несмышленым детям. Но если ликвидаторы неграмотности в 20-е годы прошлого века, как правило, сами верили в провозглашаемые лозунги и заражали своей верой подопечных, то к концу советской эпохи в них не верили ни учителя, ни ученики. Идеологические формулы не только превратились в ритуал, но и начали быстро терять свою магическую силу, переставая помогать обществу находить общий язык и работать на его сплочение.

**Приложение I.
Публицистика
периода проведе-
ния кампании
по борьбе с негра-
мотностью**

1. Агиенко А. Живое слово. М.: Художественный отдел Главполитпросвета; Долой неграмотность, 1927.
2. Бройдо Г. И. В атаку против неграмотности и бескультурья (саратовский опыт). М.; Л.: Центральный совет общества «Долой неграмотность»; Гос. изд-во, 1929.
3. Бройдо Г. И. За грамотный завод. Саратов: Гос. изд-во, Нижневолжское отделение, 1930.
4. Гершман А. В борьбе за сплошную грамотность. Л.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1931.
5. Лебедев Л. На баррикадах культпохода. М.; Л.: Центральный совет ОДН; Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1931.
6. Сталь Л. Работница и крестьянка в культпоходе. М.: ОГИЗ «Московский рабочий», 1931.

**Приложение II.
Учебно-методиче-
ские пособия**

7. Веллер Л., Леший Н. (ред.) О работе общества «Долой неграмотность!» в деревне: инструктивный сборник. Новониколаевск: Новониколаевское общество «Долой неграмотность!», 1925.
8. В помощь ликвидатору: сборник. Орел: Орловский губполитпросвета, 1926.
9. Гусева А. В стране свободного труда. Рабочая книга для городских школ малограмотных. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927.
10. Калашников Гр., Прочухаев В. Спутник организатора ликвидации неграмотности. М.: Долой неграмотность, 1928.
11. Культурный поход и новые пути ликвидации неграмотности. Материалы к всероссийскому съезду по ликвидации неграмотности (21–25 июня 1929 г.). Тезисы доклада Д. А. Бондарева. М.: Изд-во Главполитпросвета, 1929.
12. Ликвидация безграмотности. Вып. № 1. Вятка: Изд-во Вятского губотнаробраз, 1920.

13. О массовом рабочем образовании. М.: МК ВКП (б), 1929.
14. Отдел работниц и крестьянок ЦК РКП (б). Крестьянка на фронте борьбы с неграмотностью. Библиотечка крестьянки-общественницы. № 9. М.: Долой неграмотность, 1925.
15. Степная А. Как организовать культпоход в деревне. Саратов: Гос. изд-во, Нижне-Волжское отделение, 1930.
16. Тебя помнит тыл. Подарок красноармейцу от Всероссийской центральной комиссии по ликвидации безграмотности. Вып. I. М.: Гос. изд-во, 1920.
17. Троповский Л. (ред.) Указатель литературы для малограмотных. Пособие для комплектования библиотек и для школ малограмотных. М.; Л.: Главполитпросвет, Библиографический отдел; Долой неграмотность, 1927.
18. Флеров В. Как обучать неграмотных взрослых. С приложением статьи: Мои уроки с неграмотными взрослыми. М.: Ясное утро, 1920.
19. Ширяев Е. Работа с разнородной группой в школах и кружках малограмотных. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927.
20. Абрамова Н. Букварь для взрослых. Баку: Азерб. общество «Долой неграмотность», 1927.
21. Да здравствует труд! Пособие для работ со взрослыми по комплексному методу / сост. Д. Элькина. М.: Красная Новь, 1923.
22. Долой неграмотность! Букварь для взрослых, разработанный Д. Элькиной, Н. Бугославской и А. Курской. Краснодар, 1921.
23. Ключ к знанию. Букварь для взрослых / сост. С. А. Черновский. Оренбург: Киргосиздат, 1922.
24. Книга для чтения и бесед в школах взрослых / сост. С. Зельцер, Д. Элькина. М.: Гос. изд-во, 1921.
25. Либерман А., Ройтман В. Завершаем пятилетку. Букварь для взрослых. Харьков; Киев: Укргоснацмениздат, 1932.
26. Новейшая азбука для диктанта, чтобы научиться правильно писать с целью самого первоначального обучения чтению и письму детей и взрослых И. М. Хайновского. СПб., 1901.
27. Ройтман В. К новой жизни. Городской букварь для взрослых. Харьков: Центриздат, 1930.
28. Стижарная Н. К. Букварь для взрослых. СПб.: Н. Фену и К, 1910.
29. Флеров В. Букварь для взрослых для обучения чтению и письму без слияния звуков. Пб.: Гос. изд-во, 1920.
30. Флеров В. Подробный план занятий по обучению грамоте. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

Приложение III. Буквари для взрослых

1. Абакумов А. А. и др. (сост.) Народное образование в СССР: сб. документов 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974.
2. Глуценко И. Солдат как читатель. Исследование читательских интересов красноармейцев в 1920 г. / И. В. Глуценко, В. А. Куренной (ред.) Время, вперед! Культурная политика в СССР. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.
3. Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909.
4. Карпов Г. Г. О советской культуре и культурной революции в СССР. М., 1954.
5. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ, 1999.
6. Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М.: Наука, 1967.

Литература

7. Маруцкий Э. С., Ефимова Е. А., Смирнова И. Ю. Государственная политика в сфере ликвидации неграмотности в 1921–1932 гг. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2010.
8. Муртазина Л. Р. Педагогический анализ деятельности ликбезов (на примере республики Татарстан). Казань, 2002.
9. Петрова Я. И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2010.
10. Петрова Я. И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920–1930-е годы. Самара: Самарский ун-т, 2011.
11. Соломатина Т. Б. Ликвидация неграмотности населения в России в первой половине XX века. М.: Педагогическое общество России, 2013.
12. Филиппов Ф. Р. Всеобщее среднее образование в СССР. М.: Мысль, 1976.
13. Элькина Д. Ю. На культурном фронте. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1959.
14. Эрде Д. Неграмотность и борьба с ней. Харьков: Пролетарий, 1926.
15. Dobrenko E. (1997) *The Making of the State Reader: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature*. Stanford: Stanford University.
16. Eklof B. (1987) *Russian Literacy Campaigns 1861–1939* / H. J. Graff, R. F. Arnove (eds) *National Literacy Campaigns and Movements: Historical and Comparative Perspectives*. N.Y.; L.: Plenum Press.
17. Fitzpatrick S. (1979) *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Fitzpatrick S. (1992) *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
19. Gorham M. S. (2003) *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University.
20. Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California.
21. Lapidus G. (1976) *Socialism and Modernity: Education, Industrialization and Social Change in the USSR* / P. Cocks, R. V. Daniels, N. W. Heer (eds) *The Dynamics of Soviet Politics*. Cambridge: Harvard University Press.

Soviet Enlightenment Project: Eradication of Illiteracy among Adults in the 1920s-1930s

Irina Gluschenko

Authors

Candidate of Sciences in Theory and Cultural History, Associate Professor, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University—Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation. E-mail: ultra-irina@mail.ru

We analyze the Soviet campaign to eradicate illiteracy among adults in the 1920s-1930s. A comparison of educational and ideological aspects of this campaign demonstrates how closely they were related and how they formed new patterns of cultural behavior. We discuss methodological regulations and decrees of the Soviet government, as well as printed press, study guides, and ABC books. They reveal how entire social strata not only learned to read and to write but also familiarized themselves with (and shaped, to some extent) the new «lingua Sovietica» in the course of the campaign. This new language allowed people to communicate with authorities and to achieve their specific goals through playing with official notions and terms. The soviet approach was specific not just in that education was brought together with solving ideological and upbringing problems but in that it was a totally deliberate and transparent process. Eradication of illiteracy in the Soviet Union was accompanied by radical changes to the way people lived and worked, which resulted in immediate demand for and utilization of the skills they acquired. That was the key to success of the Soviet illiteracy eradication campaign. None of the countries that used the Soviet scheme in their enlightenment projects could replicate this success, as people were taught literacy with the traditional social relationships being preserved. As a result, knowledge was distributed much slower and population often lost their newly-acquired skills quickly.

Abstract

history of education, eradication of illiteracy, cultural revolution, ideology, «lingua Sovietica», ABC books, peasantry.

Keywords

Abakumov A. et al. (eds) (1974) *Narodnoe obrazovanie v SSSR: sb. dokumentov 1917–1973 gg.* [People's Education in the Soviet Union: Collection of Documents Dated 1917–1973]. Moscow: Pedagogika.

References

Dobrenko E. (1997) *The Making of the State Reader: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature.* Stanford: Stanford University.

Eklof B. (1987) Russian Literacy Campaigns 1861–1939. *National Literacy Campaigns and Movements: Historical and Comparative Perspectives* (eds H. J. Graff, R. F. Arno). N.Y.; L.: Plenum Press.

Elkina D. (1959) *Na kulturnom fronte* [On the Cultural Front]. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

Erde D. (1926) *Negramotnost i borba s ney* [Illiteracy. Fighting Illiteracy]. Kharkov: Proletary.

Filippov F. (1976) *Vseobshchee srednee obrazovanie v SSSR* [Universal Secondary Education in the Soviet Union]. Moscow: Mysl.

Fitzpatrick S. (1979) *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934.* Cambridge: Cambridge University Press.

Fitzpatrick S. (1992) *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia.* Ithaca: Cornell University Press.

Glushhenko I. (2013) Soldat kak chitatel. Issledovanie chitatelskikh interesov krasnoarmeytsev v 1920 g. [Soldier as Reader. Study of Red Army Soldiers'

- Reading Interests in 1920]. *Vremya, vperyod! Kulturnaya politika v SSSR* [Time, Go! Cultural Policies in the Soviet Union] (eds I. Glushhenko, V. Kurennoy), Moscow: HSE.
- Gorham M. S. (2003) *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University.
- Kadomtsev B. (1909) *Professionalny i sotsialny sostav naseleniya Yevropeyskoy Rossii po dannym perepisi 1897 g.* [Professional and Social Composition of Population in European Russia According to the 1897 Census]. St. Petersburg.
- Karpov G. (1954) *O sovetskoy kulture i kulturnoy revolyutsii v SSSR* [On Soviet Culture and Cultural Revolution in the Soviet Union]. Moscow.
- Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California.
- Kozlova N. (1999) *Sotsialno-istoricheskaya antropologiya* [Social and Historical Anthropology]. Moscow: Klyuch.
- Kumanev V. (1967) *Sotsializm i vsenarodnaya gramotnost. Likvidatsiya massovoy negramotnosti v SSSR* [Socialism and Nationwide Literacy. Eradication of Mass Illiteracy in the Soviet Union]. Moscow: Nauka.
- Lapidus G. (1976) Socialism and Modernity: Education, Industrialization and Social Change in the USSR. *The Dynamics of Soviet Politics* (eds P. Cocks, R. V. Daniels, N. W. Heer), Cambridge: Harvard University.
- Marutsky E., Efimova E., Smirnova I. (2010) *Gosudarstvennaya politika v sfere likvidatsii negramotnosti v 1921–1932 gg. Na materialakh Nizhnego Povolzhya* [National Illiteracy Eradication Policy in 1921–1932. Based on Lower Volga Region documents]. Saratov: Saratov State Socio-Economic University.
- Murtazina L. (2002) *Pedagogichesky analiz deyatel'nosti likbezov (na primere respubliki Tatarstan)* [Teacher Analysis of the Likbez Campaign (Through the Example of the Republic of Tatarstan)]. Kazan.
- Petrova Y. (2010) *Organizatsiya obucheniya vzroslykh v protsesse likvidatsii negramotnosti v SSSR v 1920–1930-ye gody* [Organization of the Teaching Process for Adults When Eradicating Illiteracy in the Soviet Union in 1920s-1930s] (PhD Thesis). Samara: Samara University.
- Petrova Y. (2011) *Organizatsiya obucheniya vzroslykh v protsesse likvidatsii negramotnosti v SSSR v 1920–1930-ye gody* [Organization of the Teaching Process for Adults When Eradicating Illiteracy in the Soviet Union in 1920s-1930s]. Samara: Samara University.
- Solomatina T. (2013) *Likvidatsiya negramotnosti naseleniya v Rossii v pervoy polovine XX veka* [Eradication of Illiteracy in Russia in the First Half of the 20th Century]. Moscow: Pedagogicheskoe Obshchestvo Rossii.